

ВОЛНА

ДУХ РАЗРУШАЮЩІЙ
- ДУХ СОЗДАЮЩІЙ

ОТ
КАЖДАГО ПО
СПОСОБНОСТЯМ
И
КАЖДОМУ ПО
ПОТРЕБНОСТЯМ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОРГАН ФЕДЕРАЦИИ
АНАРХО-КОММУНИСТИЧЕСКИХ ГРУПП

С О Д Е Р Ж А Н И Е .

- 1) П. А. Кропоткин. (Биографический очерк)
- 2) Петр Кропоткин и современный анархизм.
- 3) Элементы мировоззрения Кропоткина.
- 4) Милитаризация труда.
- 5) К характеристике творчества П. А. Кропоткина.
- 6) Анархисты и Великая революция.
- 7) Анархо коммунизм.
- 8) Отчеты.

П. А. КРОПОТКИН.

(Биографический очерк.)

Когда мы останавливаемся на личности крупного мыслителя, нас всегда прежде всего интересует генезис его мировоззрения, происхождение его системы. Но в умственной и духовной эволюции каждого мыслителя, несомненно играют большую роль внешние обстоятельства его жизни. Тем резче приходится подчеркнуть эту зависимость, когда речь идет о социальных воззрениях революционера, и в особенности неразрывно связано теоретическое мышление с личными переживаниями и жизненными впечатлениями Петра Алексеевича Кропоткина.

Его этико - социальная система — по преимуществу продукт размышления над тем материалом, который давала ему его разнообразная и богатая социальным опытом жизнь. И потому, кто хочет знать Кропоткина — мыслителя, должен также внимательно читать "Записки революционера," как и его теоретические произведения.

Петр Алексеевич Кропоткин родился 9-го декабря 1842-го г. в Москве на Старо - Конюшенной. Род князей Кропоткиных — один из самых старинных в России; он ведет свое происхождение от внука великого князя — киевского Мстислава Удалого. Петр Алексеевич лишился матери в раннем детстве, и маленький Петенька, вместе с братьями и сестрой, вырос на попечении крепостной прислуги. "Что бы с нами стало, — говорит Кропоткин в "Записках революционера", — если бы нас не окружала, в лице наших крепостных слуг, атмосфера любви, столь необходимая детям."

В 1857 году Петр был помещен в пажеский корпус. В 1861 году, в качестве первого ученика, был произведен в фельдфебели пажского корпуса, что связано было с должностью камер - пажа императора. Он стал лично известен императору. Но молодой паж уже тогда не чувствовал влечения к военной или придворной карьере. Он мечтал о поступлении в университет, но так как отец никогда бы на это не согласился, а денег для того, чтобы начать новую самостоятельную жизнь взять было неоткуда, то Петр Кропоткин, выпущенный в 1862 году в офицеры, решил уехать, по крайней мере, куданибудь подальше от двора. Велико было удивление товарищей, когда Петр Кропоткин, который мог начать службу в лучшем гвардейском полку, выбрал амурский конный казачий полк. В этом выборе вступающий в практическую жизнь юноша, руководился двумя соображениями. Восточная Сибирь была в то время очень мало исследована, а его уже тогда тянуло к географическим исследованиям. Во - вторых, Сибирь представляла собою "безконечное поле для применения тех реформ, которые были выработаны или задуманы".

По приезде в Иркутск, 19-тилетний офицер был назначен адъютантом начальника штаба Восточной Сибири, временно занимавшего пост губернатора Забайкальской области. До сибирских администраторов в то время еще не докатилась реакционная волна, и они пытались провести в жизнь начало "великих реформ." Кропоткин стал секретарем двух комитетов: для реформы тюрем

и всей системы ссылки и для выработки проекта городского самоуправления. Он ухватился за работу со всем энтузиазмом девятнадцатилетнего юноши, но разработанные им и его товарищами по службе проекты никогда не были проведены на практике. Правительство, после после цольского восстания 1863 года уже безудержно востребовало в сторону реакции.

Весной 1863 года Петр Кропоткин поехал на Амур, в качестве помощника начальника сплава продовольствия для войск и переселенцев в низовьях Амура. Вскоре он был назначен чиновником особых поручений при генерал-губернаторе Восточной Сибири, по казачьим делам. Так как эта должность отнимала мало времени, то Кропоткин получил возможность отдаться географическим исследованиям в Манчжурии. В 1866 году он исследовал западные Саяны, открыл несколько новых данных для построения схемы орографии (особая часть географии) Сибири и нашел другую важную вулканическую область на границе Китая. В 1866 году Кропоткин открыл прямой путь с Олекминских приисков на Забайкалье.

Занимаясь с увлечением географическими исследованиями, Кропоткин не превратился, однако в узкого специалиста. Его интересовали не только горы и равнины, но и в не меньшей, если не в большей степени, и люди, которые их заселяют, их горе и нужда.

"Годы, которые я провел в Сибири, — говорит П. Кропоткин в "Записках революционера", — научили меня многому, чему я вряд ли мог бы научиться в другом месте. Я быстро понял, что для народа решительно невозможно сделать ничего полезного при помощи административной машины. С этой иллюзией я распрощался навсегда. Затем я стал по-

нимать не только людей и человеческий характер, но также скрытые пружины общественной жизни. Я ясно сознал созидательную работу неведомых масс, о которых редко упоминается в книгах, и понял значение этой постройительной силы в росте общества. Я видел, например, как духоборы переселялись на Амур; видел, сколько выгод давала им их полукommунистическая жизнь... "Я жил также среди бродячих инородцев и видел, какой сложный общественный строй выработали они помимо всякого влияния цивилизации"...

Из своего шестилетнего административного опыта Петр Кропоткин вынес убеждение в ложности принципа дисциплины. "Дисциплина, — говорит он там же, — хороша на военных парадах, но ничего не стоит в действительной жизни, где результат часто может быть достигнут лишь сильным напряжением воли всех, направленной к общей цели"... "Хотя я тогда не формулировал моих мыслей словами, заимствованными из боевых ключей политических партий, я все таки могу сказать теперь, что в Сибири потерял всякую веру в государственную дисциплину; я был подготовлен к тому, чтобы сделаться анархистом".

В 1867 году Петр Кропоткин вышел в отставку и вместе с братом и его семьей поселился в Петербурге. Он поступил в университет на математическое отделение физико-математического факультета. Университетские занятия и научные работы поглотили все его время в течение ближайших лет. Занимаясь математикой, Кропоткин часть своего времени уделял географии. За это время он выполнил большую научную работу, которую он сам считает своим главным вкладом в науку.

Путешествия по Сибири убедили Кропоткина, что существования в то время

карты по орографии Азии совершенно не верны, и он задался целью составить новую карту по орографии Сибири. Около пяти лет ушло у него на предварительную работу, и он намеревался написать об'емистую книгу, чтобы изложить ее результаты; но, когда Кропоткин в 1873 году увидел, что его скоро арестуют, он ограничился тем, что составил новую карту и приложил объяснительный очерк. Кропоткинская схема была принята впоследствии большинством картографов.

Кропоткин все больше и больше увлекался географическими работами. Он был секретарем отделения физической географии Географического Общества. В нем зарождались новые планы научных работ, и в особенности его увлекала мысль дать полное географическое описание всей России. И для того, чтобы выполнить эту работу, он мечтал о месте секретаря Географического общества, так как эта должность дала бы ему время и необходимую свободу для выполнения его планов. И вот, осенью 1871 года, Кропоткин получил предложение принять эту должность. "Мое желание, таким образом, осуществилось, — говорит П. Кропоткин. — Но в эту пору другие мысли и другие стремления уже овладели мною, и, серьезно обдумав мое решение, я телеграфировал в ответ: "Душевно благодарю, но должность принять не могу."

Таким образом, Петр Кропоткин отказался от своей заветной мечты. И причиной этого отказа было то, что к этому времени уже более или менее сложились его социальные взгляды, и он считал преступным отдаться всецело науке, которая в современном строе доступна лишь немногим. Он хотел отдать свои силы освобождению трудящихся, чтобы и они могли современем испытать наслаждения, которые наука и искусство да-

ют в настоящее время лишь избранному меньшинству.

Весною 1872 года Петр Кропоткин впервые переехал границу. Одной из главных целей его поездки было ознакомление с Интернационалом. Кропоткин направился сначала в Цюрих, бывший тогда одним из центров русской молодежи за границей. Здесь он погрузился в изучение социалистической литературы того времени, но ему больше всего хотелось ознакомиться на практике с повседневной жизнью Интернационала. Для этого он направился в Женеву, которая была одним из крупных центров Интернационала.

В Женеве Кропоткин попал сначала в кружок Николая Утина, но, ознакомившись с тактикой марксистов, Кропоткин разочаровался в них и попросил Утина познакомить его с бакунистами. Утин направил Кропоткина к Николаю Жуковскому и при этом сказал: "да, вы больше не вернетесь к нам; вы у них останетесь." Действительно, Кропоткин навсегда остался с бакунистами.

Кропоткин поехал в Юрские горы, где в Юрской Федерации вырабатывались элементы новой социальной системы, получившей в последствии название анархизма. Здесь он познакомился с Джемсом Гильомом, Малонем, Адемаром Швицгебелем и другими деятелями левого крыла Интернационала. В это путешествие Кропоткин сделался анархистом. Здесь, в юрских горах, завершилось развитие взглядов, зародившихся в нем еще в Сибири. Теоретические положения анархизма, развитые Бакуниным и революционный характер агитации среди юрцев окончательно склонили его в сторону безгосударственного социализма.

Выполнив задачи своей заграничной поездки, Кропоткин вскоре возвратился

в Россию. Он поспешил, конечно, поделиться с друзьями привезенными им с собой кантрабандным путем книгами и впечатлениями, вынесенными из знакомства с Международным Обществом Рабочих. Вскоре он вступил в кружок Чайковского. Зимой 1872 года Кропоткин начал пропаганду в рабочих кружках, под именем Бородина. Полиция вскоре узнала о его лекциях и усердно стала разыскивать Бородина, и, наконец, по указанию одного из знавших его рабочих, его арестовали на улице.

Кропоткин просидел два года в казематах Петропавловской крепости. В начале 1876 года он по болезни, был переведен в Николаевский госпиталь и оттуда бежал. Побег Петра Кропоткина подробно описан в "Подпольной России" Степняка, и он сам художественно рассказывает о нем в "Записках революционера".

После удачно выполненного побега Кропоткин направился в Западную Европу и через некоторое время очутился в Лондоне, где познакомился с П. Л. Лавровым и другими членами группы журнала "Вперед".

Но Кропоткин не долго оставался в Лондоне. Его тянуло к практической революционной работе в среде европейского пролетариата, и он поспешил туда, где мог с наибольшим успехом приложить свои силы. Списавшись с Джемсом Гильомом, он отправился в Швейцарию к бакунистам и Юрской Федерации.

В Швейцарии Кропоткин нашел, кроме тех, с которыми он познакомился в первую заграничную поездку, целый ряд новых талантливых и преданных революционному делу товарищей. Между ними были—Элизэ Реклю, Лефрансе, Поль Брусс, Кофьеро и Малатеста. Большинство русских примыкало к марксистам, но один из самих выдаю-

щихся русских эмигрантов того времени Николай Жуковский был с бакунистами.

Для Кропоткина началась жизнь, полная любимой деятельности. Больше всего члены Юрской Федерации занимались Пропагандой анархистических идей на собраниях, устраиваемых ими, или ходили на собрания, созываемые политическими партиями. В день годовщины Парижской Коммуны Кропоткин и его товарищи приняли участие в демонстрации с красным флагом в Берне, на которой произошло вооруженное столкновение с полицией.

Эта работа в среде швейцарских пролетариев дала толчок к дальнейшему развитию миросозерцания Петра Кропоткина. "Главная наша деятельность,—пишет П. А.,—состояла в формулировке революционного анархизма, в теории и в практических его приложениях. И в этом направлении Юрская Федерация выполнила работу, которая не умрет"...

Что касается меня самого,—говорит он дальше,—то, находясь в благоприятных условиях, я мало по малу пришел к заключению, что анархизм—нечто большее, чем простой способ действия, или чем идеал свободного общества. Он представляет собою, кроме того, философию, как природы, так и общества, которая должна быть развита совершенно другим путем, чем метафизическим или диалектическим, рассуждающим о человеке. Я видел, что анархизм должен быть построен тем же методом, какие применяются в естественных науках; но не на скользкой почве простых аналогий, как делает это Герберт Спенсер, а на солидном фундаменте индукции (метод мышления от частного к общему), примененной к выработке человечеством его учреждений. И я сделал все, что мог в этом направлении."

Осенью 1877 года в Бельгии состоялись два конгресса: один Международного Общества Рабочих в Вербье, другой—интернациональный социалистический конгресс, в Генте. Кропоткин поехал на Гентский конгресс, и там ему вместе с другими восемью анархистами удалось помешать осуществлению централистических планов вожakov германской социал-демократической партии. Кропоткина чуть не арестовали в Генте, но ему удалось скрыться и бежать в Англию. Из Англии Кропоткин поехал в Париж, где к тому времени стало заметно оживляться рабочее движение, раздавленное беспощадным усмирением Парижской коммуны. Здесь он некоторое время работал в среде парижского пролетариата, основывая—вместе с Адриана Коста и Жюлем Гедом, бывшими тогда еще антипарламентаристами - первые социалистические группы. Но в апреле 1878 года Коста был арестован. Кропоткин избежал ареста только вследствие ошибки полиции. Через месяц он уехал в Швейцарию, куда его вызвали товарищи.

В 1878 году, под влиянием ряда покушений на коронованных лиц, политическая реакция в Европе приняла очень резкие формы. Европейские правительства напали на Швейцарию, считая, что она служит центром всех террористических заговоров. Швейцарское правительство стало преследовать революционеров. Редактор газеты Юрской Федерации—"Авангард"—Поль Брусс был приговорен к долголетнему тюремному заключению, и федерация осталась без органа.

Кропоткин, вместе с Дюмартрэ и Герцигом основали в Женеве двухнедельную революционную газету. Эта газета и до сих пор выходит в Париже. Для этой газеты Кропоткиным были написаны лучшие его агитационные статьи, кото-

рые в последствии были изданы Элизе Реклю отдельной книгой, под заглавием, им придуманным—"Речи Бунтовщика." Постепенно в редакцию революционной газеты вошел и Элизе Реклю, а после ареста Кропоткина он всецело отдался газете.

Период издательства этой газеты был одним из самых активных в жизни П. А. Кропоткина. Вот как рисует его в статье "За рубежом", помещенной в журнале "Весть Европы", Л. Дейч, встретившийся с ним в это время в Женеве:

"Ниже среднего роста, лет 35-ти на вид, в очках, Кропоткин несколько не напоминал революционера - анархиста. Он был чрезвычайно подвижен, говорил быстро, но плавно и с первого раза производил очень благоприятное впечатление своей простотой, очевидной искренностью и добротой.. Жил он очень скромно, занимая от хозяйки одну меблированную комнату (он был тогда холостым человеком), столовался в той же демократической кухмистерской, как и все не семейные эмигранты, и одевался не лучше, если не хуже любого европейского рабочего. Кропоткин был всегда завален работой, писал в разные ученые органы, переводил для наших ежемесячных журналов с иностранных языков, которых знал множество; но больше всего времени отнимали у него, кроме издаваемой французской революционной газеты, частые выступления на анархических собраниях. Он считался выдающимся оратором. Действительно, Кропоткин обладал всеми качествами, необходимыми для влияния на массы: привлекательной внешностью, страстностью и пламенностью, хорошим голосом и замечательным даром слова. Повсесторонности развития он, несомненно, выше всех тогдашних последователей Бакунина, не исключая и Реклю."

Об ораторском таланте Кропоткина

много лет тому назад писал Степняк:

”Он замечательный агитатор. одаренный от природы пылкой, убедительной речью, он весь превращается в страсть, лишь только всходит на трибуну. Подобно всем истинным ораторам, он возбуждается при виде слушающей его толпы. Тут он совершенно преображается. Он весь дрожит от волнения; голос его звучит тоном глубокого, искреннего убеждения человека, который вкладывает всю свою душу в то, что говорит. Речи его производят громадное впечатление, благодаря именно силе его воодушевления, которое сообщается другим и электризует слушателей. Когда по окончании речи, бледный и взволнованный, Кропоткин сходит с трибуны, вся зала гремит рукоплесканиями.“

Пишущими эти строки впервые пришлось увидеть П. А. Кропоткина в 1907 году в Париже, на одном массовом собрании. Отвечая на приветствие русской эмигрантской молодежи и французских рабочих, П. А. Кропоткин произнес маленькую речь. Он весь дрожа от волнения, говорил о русской революции и о ее задачах, и волнение это быстро охватило всех собравшихся. Никогда я не видал такого выражения лиц у слушателей, как в этот памятный вечер. Мы слышали агитатора, каких немного рождается на свете. И я вспомнил приведенную выше характеристику Степняка. Петр Кропоткин остался тот же. Он состарелся телом, но не духом. Все та же блаженная вера в конечное торжество социальной революции звучала в его голосе, как и много лет тому назад на собраниях Юрской Федерации.

Через несколько лет после убийства Александра 2-го, Петр Кропоткин был изгнан из Швейцарии. В это же время он узнал о смертном приговоре, вынесенном ему ”Священной лигой.“ Он вместе с женой переехал в Лондон, но, про-

жив там около года, он убедился, что в Англии рабочее движение переживало период глубокой реакции, и решил переехать во Францию, в городок Тонон на берегу Женевского озера.

В это время анархистическое движение во Франции значительно разрослось. В конце 1882 года в Лионском округе—в производстве шелка свирепствовал кризис, и рабочие все более и более озлоблялись против богатых. В кафе театра белькур взорвался динамитный патрон; на следующий день динамитный патрон взорвался в дверях рекрутского присутствия, и в добавок пошли слухи, что анархисты намериваются взорвать статую Богородицы, близ Лиона.

Лионские власти стали ”принимать меры.“ Арестовано было 60 анархистов. В ночь на 21 декабря был арестован в Тононе и П. Кропоткин; у него на руках за 3 часа перед арестом умер шурин.

Французское правительство не могло судить анархистов за взрывы, так как такие дела принадлежали суду присяжных. И поэтому арестованных анархистов, на основании закона, изданного после падения Парижской Коммуны, предали полицейскому суду за принадлежность к Международному Союзу Рабочих.

Все 52 анархиста были приговорены к тюремному заключению, причем четырех, в том числе и Кропоткина, приговорили к максимальному наказанию—к пяти годам тюрьмы.

В середине января 1886 года Кропоткин вместе с Луизой Мишель и еще тремя товарищами были амнистированы; другие анархисты были освобождены несколькими месяцами раньше. Кропоткин уехал в Париж, но, прочитав лекцию об анархизме пред публикой, в несколько тысяч человек, оставил Париж и уехал в Лондон, так как ему все равно предстояла высылка.

В Лондоне П. Кропоткин усиленно

стал работать над разработкой теории коммунистического анархизма. вместе с другими товарищами он основал на английском языке анархистический ежемесячный журнал "Свобода", который живет и до сих пор. Вместе с тем он продолжал писать много статей. Эти статьи в переработанном виде вышли в последствии под названием "Хлеб и Воля." В английском журнале Кропоткин поместил ряд статей по экономическим вопросам, которые потом вышли отдельной книгой под заглавием "Поля, фабрики и мастерские." Затем П. А. Кропоткин приступил к своему выдающемуся в научном отношении, весьма важному для теоретического обоснования коммуни-

стического анархизма, труду: "Взаимная помощь среди животных и людей." К этому же периоду относятся его замечательные работы: "Государство и его роль в истории." "Справедливость и нравственность," "Современная наука и анархизм," "Анархия, ее философия, ее идеал" и "Анархистская этика." И наконец, в самые последние годы П. А. Кропоткин закончил свой труд по Истории французской революции и без преувеличения можно сказать, что все его произведения содействовали, в большой или в меньшей степени, приближению социальной революции, мечты всей его жизни.

М. Раевский.

ПЕТР КРОПОТКИН И СОВРЕМЕННЫЙ АНАРХИЗМ

Со смертью П. Кропоткина анархизм потерял своего лучшего теоретика, а анархистическое движение потеряло одного из лучших своих сторонников.

Всякий период в истории богат многими великими личностями, великими мыслителями, борцами, героями и мучениками, пострадавшими в борьбе за великую идею освобождения человечества от социальных цепей. Но личность Кропоткина занимает особое место в освободительном движении нашего времени. Его имя вызывает не только обыкновенное представление о великом человеке, но оно—синоним самой прекрасной идеальной души цельного человека. Он единственный и редкостный жил в современном поколении людей!

Сын великой страны—России, сын великого русского народа, давшего ми-

ру таких гигантов анархической мысли, как М. Бакунин и Л. Толстой,—П. Кропоткин известен не только как анархист, но также и как ученый, естествоиспытатель и философ, применивший естественно—научный метод к исследованию и разработке идей коммунистического анархизма.

Разбирая идеи или учение Кропоткина, мы находим, что он не был основателем какой либо новой социальной системы или теории. Даже коммунистический анархизм, теорию которого он так прекрасно развил, был уже известен до него и до появления его учения.

Но самые главные и важные заслуги П. Кропоткина заключаются именно в том, что он был первым из теоретиков анархизма, научно обосновавшим наше учение. Понятно, что и до него были попытки обосновать учение анархизма, но

никто из его предшественников не может сравниться с ним, ибо только ему, как человеку, знакомому с современными науками, естествознанием, историей, социологией и философией, такая работа и была по силам. И благодаря прекрасным работам Кропоткина в этой широкой области человеческого знания, анархизм был систематически и научно обоснован.

Современный анархизм, поэтому, есть учение не только о свободном общении людей. Анархизм успел завоевать для себя прочное место в области не только естествознания, социологии, философии и этики, но также и в области других наук.

Труд П. Кропоткина—”Взаимная помощь как фактор эволюции”—эта прекрасная и грандиозная философия солидарности, философия, не рожденная в кабинете ученого, но естественно порожденная самой жизнью, жизнью всех живых существ в мире, начиная насекомыми и кончая человеком,—эта философия и является, собственно, ключом к пониманию его анархистического миропонимания. В этом труде не только отрицается односторонняя теория Дарвина—”Борьба за существование”,—но она значительно пополняется новой этикой—взаимной помощью, основанной на фактах и научных исследованиях природы. П. Кропоткин показывает нам, что практикование солидарности и взаимной помощи не только облегчает существование или жизнь людей, но оно также развивает моральные, нравственные чувства и интеллигентность отдельных индивидов, давая им в руки лучшую возможность повести борьбу против враждебных сил и обстоятельств. Взаимопомощь, а не постоянная борьба; солидарность, а не враждебность—вот действительные факторы или силы нашей социальной, общественной жизни!

Общественность, коммунистичность жизни давно уже существовала; она существовала еще до рождения или появления человека на земле; она наблюдалась среди всех живых существ. солидарность породила или вызвала инициативу среди людей и созидательную, творческую деятельность среди широкой массы. И постоянная борьба между авторитетом и волей, между властью и свободой, между насилием и взаимопомощью, которая тянется на протяжении всей человеческой истории,—эта борьба есть выражение двух несогласных и враждебных между собою стремлений.

Первое течение, основанное на враждебных стремлениях привилегированного меньшинства, является анти-социальным, противуобщественным,—в то время, как второе течение, основанное на здоровых социальных инстинктах широкой массы, развивает свободную инициативу и творческие силы всех членов общества.

Стремление к независимости, стремление к свободе и материальному благополучию всегда наблюдалось среди широких масс народа. Такое стремление наблюдается и в настоящее время и выражается, с одной стороны, в стремлении ограничить силу современного государства, а с другой,—в изменении форм частной собственности. Но эти стремления не идут последовательно, не идут до конца и прямо к цели, ибо только анархия—свободная жизнь свободных людей—есть последовательное и естественное выражение всех стремлений современного человека. Сторонники анархии пришли, поэтому к заключению, что неограничение или данная форма государственной власти является причиной политического рабства, но самое существование власти!

Коммунизм является исходной точкой политического или государственно-

го социализма, ибо сторонники его пришли к заключению, что не изменение формы частной собственности, но самый институт ее существования является причиной экономической эксплуатации!

Логическая связь анархии и коммунизма здесь очевидна и она, собственно, и выражает собою учение современного анархизма.

В другом своем труде, в книге, Поля, фабрики и мастерские — П. А. Кропоткин прекрасно показал, каким образом каждый народ, каждая коммуна в отдельности сможет обеспечить себя, при помощи химической обработки земли, всем необходимым для жизни. Здесь исключается всякая необходимость в централизации промышленности, ибо тенденции или естественные стремления современной промышленности — децентралистичны.

Что касается исследования П. Кропоткиным института власти — государства, его зарождения и развития, то его труд по этому вопросу просто незаменим. Никто из теоретиков анархизма не исследовал так глубоко власть, как именно Кропоткин. И это видно из его книги "Государство и его роль в истории."

В этом замечательном, хотя и небольшом труде Кропоткин разбирает генезис (или зарождение) и развитие государства и показывает, что люди жили обществами много веков до появления государства! Собственно говоря, государство, как нечто собирательное, единое, стало существовать, начиная только с шестнадцатого века. Кропоткин далее показывает, что самыми лучшими периодами в человеческой истории были именно те времена, когда жизнь свободных коммун (известных вольных городов), объединенных в федерации, не были затронуты еще нарождавшейся властью.

В других своих произведениях, как "Хлеб и Воля", "Речи бунтовщика",

"Современная наука и анархизм," "Анархия, ее философия, ее идеал" и в некоторых других, — П. Кропоткин, главным образом, останавливается на разработке теоретических и тактических вопросов коммунистического анархизма.

В ярких, пестрых красках рисует П. Кропоткин глубокий контраст несправедливой современной жизни. С одной стороны — кучка богачей, с их роскошно-богатой жизнью паразитов, а с другой — многомиллионный рабочий народ, живущий бедной, страдальческой жизнью честных тружеников. Хозяева, сидящие на шее рабочего и сосущие из него кровь, и рабочие, создающие все богатства! И это продолжается всегда, из года в год, из столетия в столетие. И на протяжении человеческой истории еще не было случая, чтобы богатые и власть имущие, по своей доброй воле, отказались от эксплуатации и порабощения народа. Наоборот, враги народа всегда неуступчивы, непокорны и кровожадны. Многочисленные факты и примеры из истории ясно показывают, что у рабочих в среде других классов всегда находится больше врагов, нежели друзей. Поэтому, залог освобождения рабочего народа находится только в его собственных руках. Народ не должен просить, он не должен кланяться, но требовать, брать и завоевывать все те богатства, создателем которых он является. И чем энергичнее, чем сильнее и революционнее будет борьба рабочего народа против своих исконных врагов — капитала и власти — тем скорее он добьется своего полного освобождения!

П. Кропоткин учил нас любить жизнь но он также учил нас ненавидеть людей, позорящих нашу жизнь!

Будем же все преданы этому завету — революционному завету нашего дорогого и незабвенного учителя — Петра Кропоткина.

Л. Л.—ев.

ЭЛЕМЕНТЫ МИРОВОЗЗРЕНИЯ П. А. КРОПОТКИНА

В произведениях Кропоткина можно наметить три основных вопроса: экономический, политический и нравственный.

П. Кропоткину целиком принадлежит постановка и разработка первого вопроса и создание последней системы взглядов на экономический строй будущего с точки зрения анархизма. Он показал совершенно ясно, что анархистический строй не может существовать ни при какой системе экономических отношений, кроме коммунизма. И при этом важно не только уничтожение частной собственности на землю, дома, фабрики, заводы, машины и проч., и переход их в общее владение; не менее важно, как будут распределяться производимые сообща продукты: соответственно ли затреченному каждым человеком труду, или соответственно его потребностям, не справляясь с тем, сколько и чего он произвел. Первая система составляет коллективизм, вторая—коммунизм. На которой же из них можем мы помириться и к которой ведет нас, вероятнее всего, развитие человечества?

Глубокое изучение истории человечества, его стремлений, его изображений, его нужд, его жизни во все времена и у разных народов привело П. Кропоткина к заключению, что все наши богатства—результат труда всего человечества в целом и никого в отдельности, и что нет никакой возможности определить, чей труд и насколько создал тот или другой. Возьмем наприим., каменный уголь: мы, может быть, подумаем, что он должен принадлежать добывающим

его шахтерам? Но вспомним только, что для копей необходима железная дорога, которая увозила бы уголь, а для железной дороги нужны и железо, и дерево, и машины, а потому и слесаря, механики, и столяра, и все бесчисленные заняты при этом работники, вплоть до того дровосека, который рубил дерево на пшалы,—имеют на добытый уголь такое же право, как и углекопы. Значит—дать каждому целиком продукт его труда или уплатить ему стоимость этого продукта мы не можем. "Все принадлежит всем!"—говорит Кропоткин. "Вот перед нами огромная масса орудий, созданных девятнадцатым веком, вот миллионы железных рабов, которых мы называем машинами и которые пилят и стругают, ткнут и прядут за нас, разлагают и вновь восстанавливают сырой материал, одним словом, создают все чудеса нашего времени. Никто не имеет права завладеть хотя бы одною из этих машин и сказать: "Она принадлежит мне и, чтобы пользоваться ею, вы должны платить мне день с каждого из ваших продуктов," также, как средневековый помещик не имел права сказать крестьянину: "Этот холм или этот луг принадлежит мне и ты будешь платить мне дань с каждого собранного снопа, с каждой копны сена."

"Да, все принадлежит всем! И раз только мужчина или женщина внесли в это целое свою долю труда, они имеют право на свою долю всего, что производится общими усилиями всех. А этой доли уже будет достаточно, чтобы обезпечить довольство всем."

"Довольно с нас неясных формул,

вроде права на труд“ или ”каждому продукт его труда!“ То, чего мы требуем, это — право на довольство—довольство для всех.“

За невозможную точку измерять труд каждого, социалисты - коллективисты предлагают вознаграждение соответственно числу часов каждого рабочего: но и этот способ не может создать действительно справедливого распределения. Ведь легко себе представить, что у одного, по тем или другим причинам, потребности больше, чем у другого, вознаграждение же они будут получать, при одинаковом труде, одинаковое; следовательно, первый останется в нужде, второй же будет иметь все, что ему необходимо. Один может быть сильнее, ловчее, способнее другого; но достаточная ли это причина для того, чтобы ему жилось лучше? Очевидно, нет. Порядок, где сохраняется плата за труд, а следовательно и самый принцип наемного труда, таким образом перемененно узаконяет неравенство. Тот, кому недостает его заработной платы, будет стараться найти недостающее еще где нибудь, а тот, у кого окажется излишек, сможет накопить себе известное количество ”рабочих чеков“ и просто нанять услуги первого, нуждающегося. Это уже не только неравенство, это—открытая дверь для новой эксплуатации человека человеком.

Мало того, там, где приходится оценивать труд каждого и определять плату за него, создается непременно и государство, и правительство. В самом деле: неизбежно явятся несогласия, будут недовольные, будут протесты; кто же будет приводить все это в порядок и смотреть, чтобы кто нибудь не захватил долю соседа? Нужен будет закон, нужна будет сила, которая заставила бы подчиняться ему непокорных, нужны будут чиновники, которые будут распределять работу, вычислять долю каждого и т. д. А для

тех, кто не может работать, что останется? Очевидно, ничего, кроме государственной благотворительности!

Недопустимость этого ясно увидел П. А. Кропоткин. Для того, чтобы человек был действительно свободен и чтобы мог жить в обществе действительно равных людей, коммунизм—единственный возможный выход. Пусть все продукты, произведенные всеми, будут сложены вместе, в ”кучу“, и пусть они распределяются по потребностям каждого. Пусть каждый берет сколько хочет всего, что имеется в изобилии; то же, чего может нехватать для всех, пусть делают по взаимному соглашению, соответственно потребностям, отдавая предпочтение детям, старикам, больным, вообще—слабым.

П. Кропоткин особенно настаивает на том, что этот идеал—не утопия, построенная на увеличенном мнении о человеческой доброте; наоборот, эти принципы всегда очень хорошо понимались народом и проводились им в жизнь везде, где к этому представлялась возможность: во время общественных бедствий, когда он требовал дележа всего, соответственно потребностям (например, во время осады Парижа в 1871 г.), в деревнях, где сохранялись общинные обычаи и т. д. и т. п.

Коммунистическое решение вопроса подсказывается самой жизнью; оно, кроме того, единственно возможное в обществе, где не будет принудительной силы государства, в обществе анархическом.

Что история ведет нас к такому обществу—показывает множество фактов. Прежде всего—опыт представительного правления дал людям возможность увидеть все его недостатки, из которых, может быть, самый главный—тот, что депутаты, которым народ вверяет свои судьбы, предполагаются положительно все-

знающими. А так как таких всезнающих существовать не может, то добросовестное выполнение принятых на себя обязанностей становится для депутата невозможным уже по одному—даже если мы оставим все остальные причины, как развращающее влияние власти, экономические привилегии капитала, делающие невозможным независимость от него, как избирателей, так и избираемых, возможные измены, подкуп и т. д. Даже при самом лучшем социалистическом порядке, нельзя будет себе представить, чтобы кучка людей могла быть достаточно сведущей, чтобы управлять всеми остальными людьми—рабочими, и решать все дела. Единственная возможная организация—и П. Кропоткин указывает нам на то, что такой способ принят, напр., в решении вопросов науки или техники—это такая, где делегатов выбирают для каждого отдельного вопроса, в котором у него есть специальные знания. Эти делегаты собираются между собою, но не в парламент, а народ конгресса и там обсуждают тот вопрос, для которого их послали, обмениваются мнениями, приходят к тем или иным и возвращаются к своим "избирателям", не с решениями, обязательными для них, а с мнениями и советами, которые те вольны принять, а вольны и не принять.

На ряде примеров П. Кропоткин показывает нам, что только путем таких добровольных соглашений, ассоциаций, съездов, федеративных связей между отдельными организациями создавался весь прогресс человечества—промышленный, технический, научный; государство же оказывалось всегда неспособным играть какую бы то ни было цивилизованную роль: во всем, возьмем ли мы народное образование, борьбу с преступностью или защиту территорий—во всем добровольные ассоциации были бы способны выполнить дело лучше.

И будущее, именно в развитии таких ассоциаций—производительных групп, территориальных общин и множество всяких обществ, создающихся для всех бесчисленных потребностей жизни цивилизованного человечества.

Когда мы говорим о свободном и равном обществе, перед нами естественно встает такой вопрос: какую внутреннюю связь будут связаны между собою члены этого общества, при отсутствии внешней, насильственно объединяющей их, принудительной силы? Мы отвергаем то, что проповедует нам религия, но следует ли из этого, что мы отвергаем самые принципы нравственности, которые проповедывают все религии, потому что они существуют и всегда существовали во всем человечестве? Есть люди, которые склонны думать, что раз человек не признает ни религии, ни государственных законов, ни условной морали буржуазного общества, то он должен, вообще, отвергать всякую мораль и за правило своего поведения принимать: "Пусть каждый заботится только о себе." Это—ошибка, в которую впадают только потому, что думают, будтобы нравственные понятия в человеке—нечто искусственное, привитое ему из вне, вроде, например, какого нибудь суеверия. А между тем—и П. Кропоткин показывает это, как в научных своих трудах, так и в своих брошюрах и статьях для пропаганды—нравственные и общественные чувства, симпатия, сострадания и т. д., также присущи людям по природе, как строение и функции их тела. Эти чувства существуют даже—хотя, конечно, в гораздо меньшей степени—у многих животных, не говоря уже о первобытных людях и дикарях. Искусственна не нравственность, которая составляет для человека естественную потребность, а искусственно, наоборот, то, что эта нравственность портится и исчезает, когда

жизнь не благоприятствует ей. "Создадим такие условия,—пишет П. Кропоткин,—при которых человеку не нужно было лгать, обманывать эксплуатировать других,—и нравственный уровень человечества, самую силу вещей, поднимется до высоты, невиданной до сих пор".

Это будущее развитие нравственности людей может особенно выразиться в том, что от обыкновенного правила, без которого не может существовать ни одно человеческое общежитие, правила справедливости, равенства в отношениях, одним словом, от принципа: "Поступай с другими так, как ты хочешь, чтобы поступили с тобой," люди перейдут к форме нравственности более высокой. Ведь справедливость, это только—самое меньшее, чего мы можем требовать от людей; существует нечто большее, более прекрасное, более широкое: это—способность отдавать свои чувства, силы, ум людям, не считая.. Только люди, способные на это "куют истинный прогресс человечества." И только такой нравственный идеал возможен для истинно—свободных людей, в истинно—свободном обществе. Все гармонирует в нем: экономика, политика, мораль. "Комби-

нируйте (сопоставьте) эти три элемента,—говорит П. Кропоткин,—и вы поймете, что такое анархия и какое место она занимает в современном освободительном движении:

Освобождение производителя от ига капитала. Производство сообща и свободное потребление всех продуктов общего труда."

"Освобождение гражданина от ига правительственного. Свободное развитие личностей в группах и групп в федерациях. Свободная организация от простого к сложному, сообразно взаимным потребностям и стремлениям.

"Освобождение внутренней личности человека от религиозной морали. Свободная нравственность, без принуждения и без санкции, развивающаяся в самом ходе жизни общества и переходящая в привычку.

"Это—не мечта кабинетных мыслителей. Это—вывод из разбора тех тенденций, которые существуют в современном обществе. Анархистический коммунизм—это наше современное стремление к экономическому равенству и политической свободе."

М. Корн.

МИЛИТАРИЗАЦИЯ ТРУДА

(Продолжение)

В таком случае, по смыслу и принципам он не есть уже революционер и народный борец, но ни в коем случае не солдат, без различия его положения и нахождения в революционной и хотябы в правительственной армии, раз он преследует свои принципы и цели. Солдат же в свою очередь, никогда не может

быть действительным революционером: повиная строгой дисциплине своих начальников и властей, он рано или поздно столкнется со своим собратом, недовольным и угнетенным рабом—этим вечным бунтарем и противником насилия и дисциплины.

Как же вы, безрассудный Ф., горо-

дите чепуху для всех?! Это еще не оправдание, что вы являетесь сторонником советской власти и несете дар своего пера грубой силе милитаризма, но для писателя и публициста должно быть цель совершенно иная—правдивая, разумная, т. е. справедливая стогона, хотябы она была и совсем слаба! Вот в чем и заключается, идеальная истина—высота и красота человеческой души!

По справедливости мне приходится дать вам встрепку, уважаемый Ф.! Я глубоко возмущен противоречием и непоследовательностью фактов, когда вы утверждаете, что разруха, начавшаяся еще при царе, вызвала голод, а голод еще пуще усилил разруху.. Разумеется, при таких обстоятельствах русский рабочий, изнеможенный недоеданием многих лет, не может работать так производительно, чтобы пополнить все прорехи и в добавок кормить новый многочисленный штат чиновников, милитаризацию труда которых вы бесовски поддерживаете. Если вы знаете, что зло зародилось при царях и развивается при правительствах, то зачем порицать так рабочих, что они в фабриках работают вяло, опустив рукава, и советское правительство недовольно этим?..

Я замечу и подчеркну вам слова, которые более всего высказывают вопиющую несправедливость, что рабочие в советской России работают не для капиталистов, а ради собственной выгоды. И то работают очень плохо, чем и портят общее дело.. Я спрашиваю, если русские рабочие не работают на капиталистов, то чем является в настоящее время социалистическое государство, захватившее в свои руки не только капитал, но и все естественные богатства с судьбой ста пятидесяти миллионов населения включительно?

Что же вы хотели доказать такой бессмыслицей: что рабочие голодают в со-

ветской России и в то же время, работая для своей собственной выгоды, портят общее дело? Знаете ли вы, кто кормит "аппетитное" государство? Какая же собственная выгода может быть у рабочих, когда они работают по принуждению и дисциплине грубых милитаристов, которые, потоптав священные права человека на свободный труд, закрепощают его в новую форму рабства, красующуюся под лозунгом Троцкого милитаризация труда?!

Вы утверждаете, что только часть русских рабочих, как авангард, "проникнута сознанием" и тем усердно служат советскому правительству... О, нет! Не сознание а заблуждение там, где рабы усердствуют.. они проникнуты не сознанием, а патриотизмом; заигнотизированные, как и все рабы, они также, и очень долго, будут блуждать и страдать ради своего блага, где то затерянного в недрах суеверия и предрассудков.

И вы порицаете тех рабочих, которые не сознали важности государственных интересов, приписывая им несознательность, когда те уже узнали всю суть и разочаровались во всех прелестях централизма,—и в испуге, как безумец, вскрикиваете: "как бороться против недовольных?"—строжайшей дисциплиной и строгим проведением общей рабочей повинности, вот ваши средства к восстановлению экономического и политического неравенства! Но вы, апостолы неравного равенства, забываете про самое важное и всеобщее равное вознаграждение за труд, как единственное удовлетворение и залог счастья в социальном обществе!

С кем вызываете борьбу? Милитаризацией труда—грубым и систематическим насилием, вы властно требуете хозяйственного возрождения России. Вы и знать не хотите, что всякое возрождение не исходит от принуждения, а только—

изнутри рабочих масс, следовательно, оно является творчеством самого трудового народа, его добровольным и неизбежным проявлением в обществе.

Называя таких индивидуалистов мещанами, которые нравственно возмущаются тем, что государство, вопреки их желанию, заставляет человека работать исключительно в пользу власти, когда оно так возмутительно торгует порывами души каждого индивида, порабощая их и посягая под разными предлогами на их личную свободу,—вы противуречите этим всякой свободе, не исключая самой незначительной, политической, по вашему убеждению общество должно управляться все таки государственными чиновниками, а личность в таком обществе сводится к нулю, и вы с радостью поддерживаете общество рабленых рабов, "мелочных" мещан и разное—калиберных лакеев государственной, величественной мантии. Я против всякого государства, так как оно губительно действует на подчиненных, развращая общество и убивая дух свободы и самостоятельности в каждом индивидууме.

Вы, пользуясь временным правом государства, когда оно посылает так называемых "усыновленных" сыновей в огонь и на смерть,—утверждаете, что можно их послать также на фабрики и заводы. Это несправедливо. Государство никогда бы не могло выслать ни одного сына на войну, в огонь или на смерть, если бы он не сознавал, что опасность грозит его семейству, братьям родителям и вообще всем из той среды, в которой он вращался. Истинный сын отечества, если он у него есть, вообще, никогда бы не решился положить жизнь свою на алтарь государства, в пользу его жрецов, и в противном случае, если бы не было государства, он сам бы пошел защищать свою родную землю и свободу от всех разбойников, захватчиков и эксплуататоров. Также никакое государство не мо-

жет послать ни под каким предлогом своих сыновей на работу, если это не лежит в интересах самих рабочих. Мы знаем, что путь к свободе не ведет через свободу, но через борьбу, а потому сознательные рабочие не оспаривают его у государства подчинением и повиновением, а оружием, восстанием и всеобщей стачкой.

Я и чуть не удивлен, если Петр и Сидор не рвутся на работу при наемном и принудительном труде. Вы объясняете такой поступок не сознанием классового интереса и утверждаете, что рабочих надо заставить, принудить работать. Но Петр и Сидор не дурачки: они проникнуты классовым сознанием более, чем какой-нибудь Ф. своим человеческим достоинством, а поэтому, как бы их не страшили, чем бы им не угрожали,—все напрасно! Ведь Петры, Сидоры да Иваны не могут жить всегда государственными пилюлями, и, по справедливости классового сознания, требуют свободного труда. Эти необразованные, но честные труженики на практике уже убедились, что только свободный труд—самый производительный, а менее производительный—наемный, за ним следует рабский и принудительный, дисциплинированный. Рабочие воочию убедились в революции и во время трехлетней войны, когда они сами рвались к работе и оружию, когда они без принуждения свободно, добровольно работали и умирали на всех фронтах. Они были тогда проникнуты сознанием классовой борьбы не менее чем теперь, когда правительству понадобилась милитаризация труда, посредством которой вы хотите водворить новую эксплуатацию ради блага, якобы, самих рабочих.

Смешно подумать, как вы можете доказывать справедливое насилие правительства, в подтверждение которого ставите серьезных ученых, всегда сидевших на спине рабочего. Одним из них

П. А. Гредескул, известный юрист, бывший вождь кадетов и второй председатель Государственной Думы, примкнувший к большевикам, высказался не против идеи Троцкого, поставившего рабочую дисциплину на военную ногу. Гм!.. не только ученые высказываются за рабочую дисциплину, но даже все бывшие и настоящие контр-революционеры с радостью это воспримут и поддержат, как и все эксплуататоры империалистических и капиталистических стран в действительности пользуются такими методами в военное время или во время большого спроса товаров на рынках. Гредескул тоже, сравнивая рабочего с солдатом, выразился так, что хотя оба они, солдат и рабочий, при дисциплине, находятся под угрозой, но это еще не значит, что они действуют не добровольно.. Вероятно этот ученый также посвятил свою деятельность и плоды науки на обновление рабства, как цари и короли на завоевания и расширения границ империи.

Чтобы оправдаться со "своим" правительством, Ф. берет изречения "великого" философа Руссо, жившего в 18-м веке. Этот христианский философ, лакей деспотических государств, установил разницу между "всеобщей волей" и "волей всех", что значит одно и тоже. Если я иду в битву, говорит Руссо, то делаю это по всеобщей воле, и значит, не могу говорить, что иду вынужденным образом. О, нет! Разве только философы могут идти в битву по всеобщей воле? У солдата или же рабочего нет всеобщей воли, а есть патриотизм или заблуждение, собственная воля или принуждение.

Точно также всеобщая рабочая повинность. Милитаризация труда выражает собою не всеобщую волю рабочего народа и ан в его интересах она исходит изнутри, а навязана государством извне,

как всеобщая рабочая повинность в интересах самого государства. О, бедный Руссо, великий мыслитель 18-го века, не тебе спорить с рабочим 20-го века! О, если бы Руссо, знал как мало выигрывает от этого его последователь Ф., когда он доказывает, что отдельное лицо не может противиться общей воле? В 20-м веке не идет к 18-му! И не только общество не хочет подчиняться одной личности, но воля отдельной личности должна быть вполне независима от всеобщей воли и может входить в соглашение только тогда, когда интересы личности и общества направлены к достижению взаимных целей, а государство, в таком случае, является только помехой!..

Если труд раба не производителен оттого, что он работает не для себя, а в пользу рабовладельца, и наемный рабочий работает не совсем для собственного интереса, так как его эксплуатирует класс капиталистов, то как же дисциплинированный труд будет более производительным? Конечно, может быть, под принуждением и строгим надзором государственных надсмотрщиков дело подвигнется отчасти вперед, но это будет не вечная радость "товарищей"—паразитов. Дисциплинирование применяется в современном обществе при усовершенствовании машинного производства, где безумная машина делает рабочего своею автоматическую частью, механическим колесом. Дисциплинирование и принуждение труда является обыкновенным наказанием во всех странах, как и над несчастными политическими заключенными и уголовными преступниками... Следовательно, Милитаризация труда является ничем иным, как государственной карой, наказанием.. Милитаризация труда—есть месть государства а непокорными рабами; она хуже рабства и эксплуатации, от которой рабочий мог освободиться мыслью о будущем завоевании свободы. Милитаризация Труда это—ка-

торга, а рабочие принужденные строгой военной дисциплиной к каторжному труду,—арестанты!

Ю. Европейский.

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ТВОРЧЕСТВА П. А. КРОПОТКИНА.

В предисловии к "Запискам революционера," критик Г. Брандес, между прочим, замечает, что по мнению Кропоткина основой всякой организации должна служить высоко-нравственная личность". Это как раз приложимо к нему самому. Жизнь создала из него краеугольный камень будущего строя." И еще:—"Кропоткин не принадлежит к числу лиц, которые охотно говорят о себе; когда ему приходится упомянуть о себе, то он делает это, как будто против воли и с некоторой робостью. Автор не говорит ни о своих недостатках, ни о своих добродетелях; он не вступает с читателем ни в какую вульгарную интимность." (Георг Брандес. Предисловие к "Запискам революционера.")

Отмеченные Брандесом черты характеризуют не только индивидуальность, но отчасти и творчество П. А. Кропоткина.

Некоторые социологи утверждают, что двигателем истории является конфликт между личностью и обществом. Этот конфликт, по их мнению, неизбежен неустрашим.

Личность стремится к тому, чтобы развернуть свои силы, а для того ей необходимо освободиться от всепильного гнета общества. Общество суживает размах личности, оно создает обычаи, законы, нормы—и все это для того лишь, чтобы удержать в должных границах буйную непокорную индивидуальность.

Подобное воззрение, конечно, ошибочно: личность и общество трактуются как абстрактные, замкнутые личности, "единицы". "Общество," "личность" превращаются в какие то безкровные, застывшие "понятия," каждому понятию предварительно приписываются абстрактные

же "свойства", причем свойства "личности" таковы, что стоят в резком и непримиримом антагонизме со свойствами "общества". Понятно, что построенная на таком фундаменте философия истории должна неизбежно прийти к выводам о существовании вечного антагонизма.

Мы конечно, не отрицаем того факта, что реальная жизнь дает не мало иллюстраций, свидетельствующих о конфликте личности и общества; не следует только возводить эти факты в "великий" закон, в принцип истории.

Предустановленной гармонии между личностью и обществом, конечно, нет. Эта гармония вырабатывается в результате борьбы при том борьбе не с абстрактным обществом, а с данной формой или, еще точнее, с данными чертами определенной общественной организации.

Личность в самом обществе же находит точку опоры для победоносной борьбы, ибо общество вовсе не прирожденный враг личности.

И все же повторяем, факта наличности конфликта отрицать не приходится. Целые периоды истории окрашены этой борьбой. И часто в зависимости от исторических условий борьба эта принимает характер противопоставления личности, себя—народу, массе. В такие периоды личность смотрит на себя, как на самоцель, хочет быть центром истории. Зарождение подобного движения можно наблюдать во второй половине 80-х годов. Кончился величественный период хождения в народ. Смолкли голоса борцов "Народной Воли." На фоне общественного равнодушия, безверия начинает вырабатываться интеллигентский индивидуализм. Раздаются голоса, протестующие против заполнения литера-

туры мужиком. "Мужик да мужик, народ да народ... "Мы тоже хотим; дайте и нам". Так характеризовал Г. И. Успенский зачаточный период интеллигентского индивидуализма. "Еще недавно многие—говорит Короленко,—требовали "и себе" красоты, мечты, ярких красок и внимания—не только не требовали этого, но даже, забывали о себе, отдавали все лишнее меньшему брату. Но жизнь, обманутые надежды завели их в тупой переулочек, из которого как будто не было выхода... Началось самоуглубление, самоусовершенствование, решение вопросов изолированной личности вне связи с общественными вопросами, до тех пор властно занимавшими умы и сердца. "Восемьдесят тысяч верст вокруг себя"—с обычной меткостью характеризовал Г. И. Успенский одну сторону этого настроения. Огорченный и разочарованный, русский интеллигентный человек углубился в себя, уходил в культурные скиты или обиженно требовал "новой красоты", становясь особенно капризным относительно эстетики и формы." (В. Короленко. "Отошедшие", стр. 7).

Мы все знаем, что Петр Алексеевич Кропоткин всегда боролся и борется с индивидуализмом подобного рода, что Кропоткину органически чужда психология "культурного скита". И назначение интеллигенции он видит, конечно, не в том, чтобы перенести центр внимания с мужика на себя, дабы, таким образом, насладиться "Вниманием, упиваться яркими мечтами...". И казалось бы, что П. А. Кропоткин должен враждебно относиться к самой идее "самоутверждения", быть склонным к замене идеи самоутверждения идеей самоуничтожения личности. Но так ли это?

Следующие слова Кропоткина дают достаточно ясный ответ: "Я, конечно, менее всего склонен недооценивать роль, которую самоутверждение личности играло в развитии человечества". Но этот вопрос по моему мнению требует рассмотрения гораздо более глубокого, чем какое он встречал до сих пор. В истории человечества самоутверждение личности часто представляло и продолжает представлять нечто со-

вершенно отличное и нечто более обширное и глубокое, чем та мелочная, неразумная умственная узость, которую большинство писателей выдает за "индивидуальность" и "самоутверждение". Равным образом двигавшие историю личности вовсе не сводились на одних тех, кого историки изображают нам в качестве героев." (Взаимная помощь, как фактор эволюции. Введение, стр. 10).

Итак, самоутверждение личности играло и играет роль в прогрессивном развитии человечества.

Но есть самоутверждение "обширное и глубокое" и самоутверждение "мелочное"—плод умственной узости. Каково различие между этими двумя типами индивидуалистов?

"Узкий" индивидуализм характеризуется эгоцентризмом. Человек знает только лишь себя. Чужие радости, чужое горе ему недоступны. На всякое событие, чуть-ли не на всю историю, узкий индивидуалист смотрит—порой бессознательно—как на иллюстрацию к своей жизни, своего только переживания. Психологию узкого индивидуализма и характеризующий его эгоцентризм вскрывает перед нами Л. Н. Толстой в лице Наполеона. И делает он это так глубоко, так поразительно просто! К Наполеону приезжает Балашев, посланник Александра первого. Наполеон выходит к нему. "Очевидно было—говорит Толстой—что его (Наполеона) нисколько не интересовала личность Балашева. Видно было, что только то, что происходит в его душе, имело интерес для него. Все, что было в нем, не имело для него значения, потому что все в мире, как ему казалось, зависит от его воли." (Война и мир, стр. 32). Ошибочно думать, что эта черта присуща только "великим" людям; нет, в этих кратких чертах дана чуть ли не формула эгоцентризма, свойственного и великому и малому. А как типично и глубоко описание уродливой безтактности, грубости и объяснение этой грубости Наполеона, даваемое Толстым. "За столом посадив около себя Балашевича, он обращался с ним не только ласково, но обращался так, как будто он и Балашева счи-

тал.. в числе тех людей, которые сочувствовали его планам, и должны были радоваться его успехам.“ (стр. 41). Не забудьте что поред Наполеоном—представитель—враждебной страны; что предложения Балашева Наполеон не принял и кровавая развязка делается почти неминуемой. Но самоупоение, эгоцентризм стирает все, затемняет все и Наполеон в это мгновение уверен, что все должны радоваться его успехам!

Казалось бы что понять и бо'яснить корни узкого индивидуализма очень легко: ясно, что мы имеем дело с людьми, ищущими наслаждения только наслаждения—и только для себя. Но это не так. Такой взгляд поверхностен, ошибочен: узкий индивидуализм, в его резко выраженной форме часто служит источником глубоких страданий для самого индивидуалиста. И хотел бы человек заглушить назойливый крик своего "я" слиться душой с радостями других, да не может он этого сделать. Он прикован к своему "я" как каторжник к тачке..

Есть популярная народная сказка: жил—был певец, "простой и свободный." Он не знал власти над собой и не хотел властвовать. Но вот кто то не благоразумно облагодетельствовал певца: подарил ему много золота. Исчезла свобода. Все думал бедняга о том что вот придут, похитят, убьют.. Появились заботы, боязнь, а с ней и вражда. Только вот догадался человек—бросил золото и опять обрел—покой и душевный мир.

Повторяем, для индивидуалиста его "я" порою является тяжким бременем. "Восемьдесят тысяч верст вокруг самого себя"—это легко сказать, а на самом деле скучно это: что-же, небольшой "скит", а вокруг—такая громадная пустыня.. Хочется сбросить тяжелую нопу.. И тогда-то на стену выступает антипод (противоположность) и вместе с тем родное дитя уродливого индивидуализма—аскетизм. Аскетизм—это вовсе не здоровое желание уплатить долг народу,—нет; аскетизм—больное решение больного духа. аз это "яя"—бремя неудобное, то его следует свергнуть, надо отречься от самого себя: не удалось самоутверждение—авось удаст-

ся самоотречение.

Этот момент перехода самоутверждения в самоотречение прекрасно передан Гаршинным в его рассказе "Ночь." Герой рассказа, накануне самоубийства, осуждает все прошлое; только теперь он понял, как надо жить, с чем ему надо бороться. "Надо не ставить на первое место себя. Вырвать из сердца этого скверного божка, уродца с огромным брюхом, это отвратительное "я" которое, как глист, сосет душу и требует себе все новой и новой пищи. Да откуда же я все возьму? Ты уже все с'ел. Все силы, все время было посвящено на служение тебе... Хоть ненавидел тебя, а все таки поклонялся, принося тебе в жертву все хорошее, что мне было дано."

Мы остановились подробнее на характеристике "узкого" индивидуализма потому что считаем его типичным анти—анархическим складом души; мы думаем, что тщательное изучение этой психологии косвенно дало бы много драгоценного материала для психологии анархизма. Приведенные выше слова Короленко очень характерны не только лишь для периода 80-х годов.. Эти настроения и теперь не умерли, ибо теперь мы переживаем эпоху неверия в общественность, наблюдаем обострение больного индивидуализма...

Рамки нашей статьи не позволяют очертить тип "глубокого" индивидуализма. Мы бегло упомянем об одной черте: глубокий "индивидуализм" не боится "сверхличного" коллектива, "мужика," не боится, как бы он не потонул, точно капля в море. Но этого мало; это чисто отрицательная характеристика. Несравненно важнее положительная: только путем разрушения "культурного скита", путем слияния с народом—личность второго типа проявляет свою индивидуальность, утверждает ее. Такой человек не требует себе "внимания", а мечты и яркие краски он находит тогда, когда ему удастся свою лодочку привязать к большому кораблю народного творчества.

И нам кажется, что тщательное знакомство с произведениями Кропоткина и, через них, с личностью его даст больше, чем теоретизирова-

ние, в смысле ознакомления с индивидуализмом "широким" лишенным умственной узости.

В самом деле: пусть читатель сделает маленький опыт самонаблюдения и он придет к нелишним интересам вывода. Кропоткин как нам указывает Брандес, неохотно говорит о самом себе. Он охотно перемещает центр внимания на другого. И если бы нас спросили, что любит и что ценит Кропоткин "в другом", мы бы без колебания, ответили:—бесмяный подвиг. Кропоткин как будто тщательно всматривается в историю человечества, изучает, тщательно и бережно подбирает подвиги тихие, безшумные. Кропоткин хорошо знает, "не вокруг творцов нового шума вращается мир," и потому так скептически относится ко многим официальным героям. Не даром он осторожно подчеркивает, что "двигавшая историю личности вовсе не сводилась на одних тех, кого историки изображают нам в качестве героев." Да, Кропоткин мало говорит о себе. Но поразительное явление:—чем меньше Кропоткин говорит о себе, тем ярче встает перед вами его образ. Чем дальше он как бы уходит от своего "я", тем рельефнее выступает личность, духовный облик Кропоткина. Не навязчиво, не шумно, а как-то тихо и сосредоточенно выступает образ того, кто все время не о себе а о других говорит. Это своеобразное сочетание "самоотречения" и "самоутверждения" заслуживает глубокого внимания; и не в этом ли причудливом сочетании надо искать объяснения того факта, что Кропоткин "сделался краеугольным камнем будущего общественного строя?"

И не этот ли органический синтез—(соединение) личного и общественного предохранил Кропоткина от отчаяния, пессимизма, в который так часто впадают иные глубокие, чуткие натуры?

Мы знаем, ведь, что Кропоткин пережил глубокий кризис. Не многим дано было пережить его с такой глубиной!

Мы говорим о том моменте, когда чувствовал трагедию прогресса: с одной стороны—роскошь наслаждения, бурная, тревожная работа мысли; с другой,—нищета, безпримерные муки,

невежество.

Но и эта трагедия не надломил Кропоткина. Вместо бесплодных проклятий по адресу человечества, П. А. Кропоткин ищет активного выхода и спрашивает: что делать, что должно и можно сделать для того, чтобы искоренить зло. "Что за польза толковать крестьянину об американских машинах, когда у него едва хватает хлеба, чтобы перебиться от одной жатвы до другой? Когда арендная плата за эту, усеянную валунами, землю растёт с каждым годом, по мере того как крестьянин улучшает почву. Он грызет свою твердую, как камень, ржаную лепешку, которую печет дважды в год, съедает кусок невероятно соленой трески и заливает снятым молоком".

...Наука—великое дело. Я знал радости, доставляемые ею и ценил их, быть может, даже больше, чем многие мои собратья. И теперь, когда я всматривался в холмы и озера Финляндии, у меня зарождались новые, величественные обобщения. Я видел, как в отдаленном прошлом на заре человечества, в северных архипелагах, на скандинавском полуострове, скоплялись льды. Они покрыли всю северную Европу и медленно расползлись до ее центра. Жизнь тогда, исчезла в этой части северного полушария и жалкая, неверная, отступала все дальше и дальше на юг перед мертвящим дыханием громадных ледяных масс. Несчастный, слабый, темный дикарь с великим поддерживал свое существование. И перед глазами Кропоткина рисуется громадная картина, одновременное и великое открытие. Он хочет ее передать в мельчайших частях.

... "Но какое право имел я на все эти вышние радости, когда вокруг меня—гнетущая нищета и мучительная борьба за черствый кусок хлеба! Когда все затраченное мною, чтобы жить в мире вышних душевных движений, неизбежно должно быть вырвано изо рта сеющих пшеницу для других, не имеющих достаточно черного хлеба для собственных детей? У когонибудь кусок хлеба должен быть вырван изо рта, потому что совокупная производительность людей еще так низка.

... "Массы хотят знать... Вот там на гребне громадной морены, тянутся между озерами, как будто великаны насыпали ее поспешно, чтобы соединить два берега, стоит финский крестьянин и погружен в созерцание растилающихся перед ним прекрасных вод, усеянных островами. Ни один из этих крестьян, как бы беден и забыт он не был, не проедет не остановившись, не залюбывавшись, мимо этого места. Иль, вон там, на берегу озера, стоит другой крестьянин, и поет что-то до того прекрасное, что лучший музыкант позабывал бы чувству и выразительности этой мелодии. Оба крестьянина чувствуют: оба созерцают, оба думают. Они готовы расширить свое знание—только дайте его им, только предоставьте им средства завоевать себе доступ." ("Записки революционера", стр. 224-227.)

Кропоткин не первый поставил эти вопросы. — "Кто дал своим ценою злата не взвешивал, не продавал"—не может не задуматься над тем, что прогресс оплачивается неизмеримо дорогой ценой; и это тяжелое бремя падает на тех, которые благами культуры не пользуются—на народ. Правда, философы часто пытались успокоить совесть человечества: страдания, мол, необходимы во имя торжества "объективной истины", "мировой гармонии". Но это утешение звучало для многих горькой насмешкой. И можно смело сказать, что характерной чертой русской культуры является не желание и неумение успокоиться на утешениях, предлагаемых философами объективистами.

Белинский было успокоился, примирился с "действительностью", но не надолго; ему душно стало в немецкой метафизической школе—казарме, где царит такая великолепная, образцовая, всемертвящая дисциплина; он "дезертировал" и властно потребовал отчета об участии "каждого брата по крови", погибшего во славу "абсолюта".

Достоевский тревожно спрашивает: "Стоит ли весь прогресс хотябы слезинки одного ребенка?"

Л. Н. Толстой бросил обвинение современному обществу, бросил с изумительной страстью и силой. Обиженный и оскорбленный за

народ, непримиримый враг пошлого, сытого "про" является отчасти последователем Руссо. Руссо не был пессимистом: но нота разочарования всегда звучала в его речах; он не верил в прогресс, учил, что золотой век—позади нас. Культура разобщила нас с природой, распалила нездоровые инстинкты—жадность эгоизм, тиранию. Мысль Руссо прекрасно формулировал гениальный, до сего еще, быть может, не понятный Пушкин словами Алеко: "Любви стыдятся, мысли гонят, торгуют волею своей, главы пред идолами клонят и просят денег у цепей".

Кропоткина не меньше, чем Толстого ужасает вековое зло, тупое, наглое торжество "дикарей культуры." Но ни разочарования, ни пессимизма вы у Кропоткина не найдете. И это не потому, что он просто, по натуре, не расположен к пессимизму; не отсутствия пессимизма глубоко связано с основными чертами мировоззрения П. А. Кропоткина.

Все пессимистические системы можно разделить на два разряда: на практический и принципиальный. Практический или эмпирический пессимизм исходит из того положения, что страданий в мире больше, чем наслаждений. За каждый миг радости мы платимся годами скорби, страданий.

Наслаждения, радость—призрак. Реальны лишь слезы да муки. Назревший, грубо эмпирический характер этого рода пессимизма именно заключается в том, что он пытается свести все к вопросу количества... Вполне последовательно неглубокие пессимисты пытались создать чуть ли не таблицу, наглядно иллюстрирующую то положение, что страданий неизмеримо больше, чем радости.

Но всякому должно быть ясно, что подобный метод обоснования пессимизма безнадежен. Если даже удастся подтвердить основное положение, то все же оно не может служить фундаментом для пессимистического мировоззрения. Прав Зиммель, говоря, что они несоизмеримы, одно другое не покрывает.. Иное дело пессимизм критический, принципиальный. Здесь, конечно, не место для подробного разбора пессимизма. Мы вынуждены догматически (без доказательств)

формулировать следующее положение: сущность принципиального пессимизма сводится к утверждению того, что в мире нет творчества; человек не субъект, а объект в истории. — Нет творчества, а потому тщетны и жалки все попытки — выбиться из под власти суровой необходимости. Конечно, никто не может вам создавать те или иные иллюзии (психологические иллюзии), но, иллюзии гибнут.

Унылый русский поэт хорошо передал взгляд пессимистов, уверяющих, что человек всегда "жалок и слаб," ибо его действия предопределены, он же сам ничего не предопределяет:

"С воплем безсилия, с криком печали,

"Жалок и слаб он явился на свет.

"В это мгновение ему не сказали:

"Выбор свободы, живи или нет."

И это фатальное мгновение было звеном в длинной цепи. Все события жизни — большие и "маленькие" одинаково свидетельствуют о том, что человек всегда и повсюду игрушка в руках внешних сил. Разумеется, это же воззрение пессимист переносит и на всю человеческую историю. И надо сознаться, что есть такие эпохи в истории человечества, которые отчасти оправдывают подобные воззрения. Это те периоды, когда насильники переходят всевозможные границы, а народ, "безмолвствует," эта тупая покорность масс вызывает чувство боли, возмущения. Появляются признаки отчаяния:

Ты проснешься-ли, исполненный сил:

Иль судеб повинуюсь закону,

Все, что мог, ты уже совершил,—

Создал песню, подобную стону

И духовно на веки почил.

Можно смело сказать: вся деятельность Кропоткина, — как бы яркий, проникновенный ответ Некрасову: "...Вон там, на берегу озера стоит другой крестьянин и поет что-то до того прекрасное, что лучший музыкант позавидовал бы чувству и выразительности его мелодий." Нет, — как бы говорит Кропоткин, — даже в дни бедствий творчество народа не изсякает настолько, чтобы ограничиться созданием "песни, подобной стону." И тут мы вплотную подошли к ответу на вопрос: почему так чужд пессимизм

Кропоткину.

Пессимизм предполагает отсутствия творчества в истории. Кропоткин утверждает, что история, прогресс, — продукт безымянного, массового творчества. Ясно, что мирозерцание Кропоткина и мирозерцание пессимистов базируются на противоположных положениях. Если бы в мире совсем не было творчества, то пессимизм имел бы прочное основание. Если бы, наконец, это творчество концентрировалось только в верхах, то было бы понятно пессимистическое отношение к роли масс; но ведь не правы те, которые утверждают, что творят только единицы. Взгляд Кропоткина можно было бы формулировать так: "не герои лишь не одни лишь ученые, и уже наверное не государство, не суды, не палчи сохранили, обогатили, облагодарили жизнь на земле; требовались усилия сотен тысяч неведомых, безымянных тружеников; творческой инициативой массы были созданы обычаи, нормы, регулирующие и облагораживающие общественную жизнь. Вам восхваляют героев; но исследуйте тщательно, любовно изучайте, и вы убедитесь, что творчество и воля масс служили источником светлой мысли. И даже в глухую полночь, когда кругом царил полумрак, мысль народная неустанно работала, и эта работа делалась исходной точкой нового подъема.

И вот что важно помнить. Под творчеством некоторые разумеют нечто торжественное, особенное... Не таково народное творчество, о котором говорит П. А. Кропоткин. Это творчество не всплеск волны, не капризная мечта жреца, который в руки "метлы не берет." Творчество народное твердо связано с реальной, практической жизнью, оно не зримо и глубоко проникает материю истории. Народное творчество имеет свои законы, свои приливы и отливы. Часто тот, кто, казалось бы, то лишь и делает, что "механически ржавой лопатой мерзлую землю долбит," надымается, свержает иго устарелых обычаев, ненавистных законов, власть тупых и надменных тиранов.

Но и в те дни, когда, казалось бы, погас свет разума, изсякла энергия, замерла воля —

и в эти дни творчество народное не гложет, а только уходит в глубь; а там—в глубине происходит глубокий процесс накопления, нарастания сил. Эти силы, освобождения, и создают новую жизнь, светлую и радостную...

Ни эпоха застоя, ни временная покорность масс не в силах надломить веру Кропоткина, ибо он чувствует непрерывное творчество истории. И не это ли чутье объяснит нам, почему Кропоткин так легко преодолел "конфликт" между стремящейся к самоутверждению личностью и массой? Больше: не становится ли ясным, при каких условиях этот, как бы объективно существующий, конфликт делается призрачным, исчезает? Конечно, если народ лишь сырой материал, если масса только пребывает на земле, но не творит; если огонь творчества горит только в душе отдельной личности, тогда понятно враждебное отношение личности к чуждой ей стихии—массе. Волей неволей приходится уходить в "культурный скит" и там, в уединении, вдали от масс, культивировать свое "я". Но если масса творит, если она на своих плечах выносит борьбу с нетворческими силами истории—государством, законом, то ясно, что роковая, якобы фатальная, противоположность, между творческой личностью и творящей массой исчезает, и на поставленный выше вопрос мы можем ответить так: творческие инстинкты влекут П. А. Кропоткина к родной стихии—к вечному источнику творчества—к народу. И он идет к народу не как повелитель, а как равный к равному. Кропоткин так определяет свои задачи среди народа:—"Распространять среди рабочих идеи, способные направить их усилия к благу всех работников вообще; углубить и расширить идеал и принципы, которые послужат основой будущей социальной революции; развивать эти идеалы пред работниками,—не как приказ,

исходящий от главарей партии, но как следствие их собственного размышления; и, наконец, пробудить их собственную инициативу уже теперь, когда рабочие призваны на арену истории, чтобы выработать новый и справедливый строй". (Записки революционера, стр. 358). Эта задача, выполнение которой способствует "развитию человечества".

Надуманной и лживой покажется ему вся эта, якобы фатальная, противоположность между эгоизмом и альтруизмом. Он дает указания, как и при каких условиях счастье личности сливается с благами народа. "Будь силен; будь велик во всех твоих поступках; развивай свою жизнь во всех ее направлениях; будь, насколько это возможно, богат энергией и для этого будь самым общественным, и самым общительным существом,—если только ты желаешь наслаждаться полною, цельною и плодотворною жизнью. Постоянно руководясь широко развитым умом, борись, рискуй—риск имеет свои огромные радости; смело бросай свои силы, давай их, не считая, пока оне у тебя есть, на все то, что ты найдешь прекрасным и великим, тогда ты насладишься наибольшей суммой возможного счастья. Живи за одно с массами, и тогда, чтобы с тобой не случилось в жизни, ты будешь чувствовать, что за одно с твоим бытием те именно сердца, которые ты уважаешь, а против тебя те, которых презираешь".

П. А. Кропоткин сумел на деле показать, что начертанный им "план" жизни осуществить возможно. И если жизнь его и мысли так прекрасны, то это потому, что П. А. Кропоткин не чуждался, а жил "за одно с массами." И творческие усилия его не пропали даром: он сделался "краеугольным камнем будущего строя."

Рощин.

АНАРХИСТЫ И ВЕЛИКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Очень часто нас упрекают именем анархистов. —"С вашими идеями—гово-

рят нам—можно еще мириться; я их даже люблю! Но это ужасное имя! И как

хотите вы стать сильной партией, оставляя имя, означающее только беспорядок, разрушение, хаос?"

Мы указывали уже раз (в "Речах бунтовщика") на причины, по которым мы предпочитаем "беспорядок"—"порядку," царствовавшему в Варшаве или восстановленному позже в Париже избивением тридцати тысяч пролетариев и о победе которого нас торжественно оповещают каждый раз, как только удастся какое либо начало революции потопить в рабочей крови. Такого порядка, являющегося только вечным гнетом, мы не желаем. Мы в тысячу раз больше предпочитаем беспорядок, учиненный анабастистами в 16 веке, революционерами в 1793 году, коммунарами в 1871 г. и многими другими, которым буржуазия дала—лестную в наших глазах кличку "зачинщиков беспорядка".

Говорили мы также и о том, что слово "анархия"—помимо своего точного смысла отрицания власти—имеет за собой очень славное прошлое. Оно берет свое начало еще в Великой французской революции, когда имя анархистов давалось всем истинным революционерам, стремившимся к коренному перевороту нежелательных учреждений.

Что же касается всех этих имен—"безгосударственники, антигосударственники и т. д.," которыми прикрывались с целью зменшения полицейских преследований,—то они все грешат одним недостатком. Они совсем не характеризуют нас революционеров,—людей, людей пользующихся революционными средствами для выполнения коренных изменений, революционных по своему существу.

Один известный памфлет сильно напумевший в свое время, обращенный депутатом Бруссо "к его доверителям"—в высшей степени поучителен в этом отношении. Бруссо перечисляет все про-

ступные деяния "анархистов" Великой революции; но каждое из этих преступлений делает нам, в наших глазах, только честь и служит хорошим уроком нам на будущее время.

Правда, среди тех, которых Бруссо называет анархистами, находились различные элементы: гебертисты, "бешенные" Кордельеры, партия Марата и передовые якобинцы. Но у всех была и одна общая черта. Буржуазная-республика их не удовлетворяла. Они требовали того, что тогда называли "аграрным законом", т. е. возврата земли коммунам, у которых ее забрали при старом режиме. Они проповедовали также "уравнение богатств",—что мы теперь называем "экономическим равенством." Только представительство Конвента они признавали способны продолжать революцию.

Они знали, что Конвент ничего не сделает, если народ силой его не заставит, и поэтому они его крепко держали в руках. Но и помимо Конвента они сами организовывали народное восстание. Париж был объявлен верховной коммуной, и все старания прелagались к созданию национального единства, но не при помощи центрального правительства, а при посредстве прямых сношений, установленных между общиной и частями Парижа с остальными 44.000 коммунами Франции.

Вот почему мы гордимся, имея предшественниками своими людей такого политического ума!

Выслушаем теперь Бруссо, изданного в мае 1793 года памфлет под заглавием: "О положении национального Конвента, о влиянии анархистов и вреде, ими нанесенном, и о необходимости уничтожения их влияния, дабы спасти республику."

"С самого начала существования Конвента я заявил"—так начинается пам-

флет Бруссо—”что во Франции имеется партия дезорганизаторов, стремившаяся к распуску республики с самого ее рождения.“ ”И—продолжает он—теперь я доказал: 1) что от этой партии анархистов зависели и зависят почти все решения Конвента и действия Исполнительного Совета; 2) что эта партия была и есть единственная причина всех бедствий, как внутренних так и внешних, постигших Францию; 3) что республику можно спасти при одном условии: пустить в ход самые строгие меры и вырвать представителей нации из рук этой банды.“

Для знакомых с характером этой эпохи подобный язык весьма ясен. Бруссо попросту требовал гильотины для тех, которых он называл анархистами и целью которых было продолжать революцию, довести ее до полного уничтожения феодального строя и, они мешали этим самым буржуазии—именно жирондистам—разыгрывать буржуазную комедию в Конвенте.

”Нам, следовательно,—говорит жирондистский министр,—нужно хорошо изучить эту ”анархию“, и вот ее определение которое он дает:—”Законы, неисполняющиеся, начальство обессиленное и раздавленное, безнаказанность преступлений, нападение на собственность, нарушение личной безопасности, испорченность народной нравственности; ни конституции, ни правительства, ни справедливости—таковы черты анархии!“

Но ведь это очень хорошо! как раз то, что нужно: ”Начальство обессиленное и раздавленное“! Но ведь именно так и совершаются революции. Как будто и сам Бруссо не действовал именно так до достижения им власти. В течение трех лет, от мая 1789 г. до августа 1792 г. хорошенько нужно было унизить власть короля и, превративши ее в ”обессиленную власть“, окончательно сбросить ее десятого августа...

Но только Бруссо хотел, чтобы революция, достигши известного пункта, в тот же день остановилась. С момента уничтожения королевства и объявления верховности конвента—”всякие бунты—заявляет Брусо—должны были прекратиться.“

Заметим, кстати, что то же самое потребуют от нас—анархистов—жирондисты будущей революции, что мы, потомуки анархистов, описанных Бруссо, постараемся, конечно, невыполнить.

”Нападение на собственность“! Но ведь это именно и нужно было сделать, чтобы довести к хорошему концу революцию, начатую 1789 году и задержанную к началу 1790 года национальным собранием.. Постараемся это пояснить.

Как только королевство было ниспровергнуто—”уничтожено“ будет слишком сильно сказано, так как этого не сделали еще и по сей день—и объявлена буржуазная республика, то буржуа решили, что революция достигла своей цели, и потому всякое революционное движение должно прекратиться; Все должно принять спокойный вид. ”Я думал—говорит нам тот же Бруссо—что один только порядок в состоянии обеспечить спокойствие; что порядок заключается в религиозном почтении к законам, к судьям собственности и личной безопасности“.

К счастью—еще один урок на будущее—анархисты не так думали. Крестьянин ничего положительного от револю-

ции не имел. Феодальное право со всеми его обязанностями,—столь же много численными сколь обременительными—осталось! Все что крестьяне, путем бунтов и восстаний, получили от национального собрания это постановление от августа 1789 г., допускающее выкуп феодальных земель, цена которых, между

прочим, не была даже определена, а сам выкуп не считался обязательным. Система взимания с десятины осталась.

В июне 1790 г. был принят закон,— о котором историки и поклонники порядка стараются не говорить,—по которому неуплата податей строго наказывается, а всякая пропаганда против уплаты податей повлечет за собою смертную казнь для виновников. И когда Бруссо говорит о почитании законов и суда, то не

трудно понять, что правосудие Бруссо это смерть всем тем, кто осмелится говорить об отбиении украденных земель.

Вот почему Бруссо нам говорит, что "настоящие враги народа и республики это анархисты—пропагандисты аграрного закона, "зачинщики бунтов," "делатели революций". Вот почему он требовал их уничтожения.

Мы же можем только гордиться подобными предшественниками.

П. Кропоткин

АНАРХО-КОММУНИЗМ

Всякое общество, покончившее с частной собственностью, должно будет, по нашему мнению, организовать на началах анархического коммунизма. Анархизм неизбежно ведет к коммунизму, а коммунизм—к анархизму, при чем и тот и другой представляют собою ничто иное как выражение одного и того же стремления, преобладающего в современных обществах—стремления к равенству.

Было время, когда крестьянская семья могла считать выращиваемый ею хлеб и выделяемую дома шерстяную одежду плодами своего личного труда. Правда, даже и тогда такой взгляд был не совсем верен: уже тогда существовали мосты и дороги, устроенные обща, были луга, осушенные общими силами, общинные пастбища и загороди, поддерживавшиеся общими усилиями. Всякое усовершенствование в ткацком станке или в способе окраски холста шло на пользу всем; и крестьянская семья не могла существовать иначе, как при условии, что ей, не в том, так в другом, будет оказана мирская поддержка.

Но в настоящее время, когда все связано и все переплетается между собою

в промышленности, когда каждая отрасль производства пользуется услугами всех остальных,—искать долю каждого в современном производстве оказывается совершенно невозможным. Если обработка волокнистых веществ иковка металла достигли в образованных странах такого удивительного совершенства, то они обязаны этим одновременному развитию тысячи других, крупных и мелких отраслей промышленности, распространению железных дорог и пароходов, навыку и ловкости, приобретенным миллионами рабочих, известному общему уровню развития всего рабочего класса и, наконец, вообще всем работам, которые производятся на всем земном шаре.

Итальянцы, умиравшие от холеры при прорытии Суэцкого канала или от деревенелости сочлений в Сен-Готтардском туннеле, американцы, погибавшие от пушечных ядер в войне за отмену рабства, сделали для развития хлопчатобумажной промышленности в России, в Европе и в Америке не меньше, чем те девушки и дети, которые чахнут на мончестерских или московских фабриках, или тот инженер, который—большой частью

на основании догадки кого-нибудь из рабочих—вносит улучшения в ткацкие станки.

Каким образом определить, при таких условиях, часть, приходящуюся на долю каждого, в тех богатствах, созданию которых содействуем мы?

Становясь на эту обобщающую точку зрения, мы не можем по этому согласиться с коллективистами и не можем признать, чтобы вознаграждение, пропорциональное числу часов, употребленных каждым на производство этих богатств, представляло собою идеал, или хотя бы даже шаг вперед по направлению к идеалу. Не входя здесь в обсуждение того, действительно ли меновая ценность товаров измеряется в современном обществе количеством необходимого для их производства труда, как утверждали Адам Смит и Рикардо, а за ними и Маркс (мы вернемся к этому впоследствии) заметим только, что в таком обществе где орудия производства считаются общою собственностью, идеал коллективистов уже окажется неосуществимым. Раз только общество примет за основание принцип общественного владения, ему неизбежно придется отказаться и от всякой формы наемного труда.

Мы твердо убеждены в том, что смягченный индивидуализм коллективистов не сможет удержаться рядом с коммунизмом, хотя бы неполным, но уже выраженным в общем владении землею и орудием труда. Новая форма владения собственностью потребует и новой формы распределения того, что будет выработано на общей земле, общими орудиями труда. При новой форме производства невозможна старая форма потребления, точно так же как при ней невозможны старые формы политической организации.

Наемный труд есть результат присвоения земли и орудий производства несколькими лицами. Он был необходимым условием развития капиталистического производства и должен умереть вместе с ним, даже если бы его попытались замаскировать под именем "рабочих чеков". Общая собственность на орудия производства неизбежно приведет и к пользованию сообща продуктами общего труда.

Кропоткин

(Продолжения следует)

ОТЧЕТЫ

ОТЧЕТ

Федер. кассира с 1-го декабря 1920 года по 19 марта 1921 года.

Приход по выручке за ж. "В".

От гр. А. К. Чес—ра	62.25
" " Нь—ка	50.00
" " Района Фи—ия	31.68
" " Взаимообразн.	155.00
" " Нев—ка	39.00
" " Кл—да	83.00

" " Фи—ия.	43.00
" " Чес—ра.	26.40
" " Роч—ра.	8.00
" " Нев—ка	50.00
" " Нь—ка	50.00
" " Фи—ия	22.85
" " Взаимообразн.	200.00
" " Взаимообразн.	50.00
" " Кл—да	15.00
" " Гат—да	15.00
" " Нью—нь	45.00

"	"	Чи—го №-8-9и10	29.65
"	"	Кл—да №-9-10 и 11	34.95
"	"	(Неразборчиво)	40.00
"	"	Р. Фи—ия	24.98
"	"	Гат—да	10.00
"	"	Бр—лд	70.20
"	"	Ват—ри	27.85
"	"	Нев—ка	45.00
"	"	Фед. С. Р. Р.	86.00
"	"	Кл—да	22.50
"	"	Се—л Ваш.	59.97
"	"	Гам—да	15.00
"	"	Кл—да	12.30
"	"	Чи—го	53.00
"	"	Пис—га	81.85
"	"	Стар. Ред. Кол.	145.06
"	"	Бал—ре №11	27.00
"	"	Чи—го	7.35
"	"	Нев—ка	28.00
"	"	Нь—ка №-14-й	45.00
"	"	В. Ко. №—12-13 й	62.70
"	"	Чи—го №11-й	29.25
"	"	Р. Фифия	15.72

Итого — 1919.51.

Добровольные пожертвования:

От	П. О. Нью—ен	25.00
"	" Отдельн. тов. Нью—ен	21.25
"	" Кру—н	10.00
"	" Чес—ра	28.00
"	" Тр—он	9.00
"	" От ликв. С. Р. Р. Н. У.	7.17
"	" Фи—ия	50.00
"	" Бал—е	42.50
"	" Гат—да	50.00
"	" Стен—да	5.25
"	" Кен—то	52.00
"	" Рот—ра	23.55
"	" Лиз—т	24.00
"	" Кл—да	58.85
"	" Нь—ка	50.00
"	" Тре—он	2.40
"	" Роч—ра	18.15
"	" Тов. Ж. А. Ж.	6.00
"	" Сер—юз	6.00
"	" Чи—го чек кн.	17.65
"	" К. Б.	10.00

"	"	О. Я.	5.0
"	"	Л. Х.	5.0
"	"	С. О.	5.0
"	"	А. Я.	5.0
"	"	М. В.	11.0
"	"	Я. Р.	5.0
"	"	Ф. Ш.	5.0
"	"	Ф. М.	10.0
"	"	И. М.	5.0
"	"	Ф. Я.	10.0
"	"	Р. Н.	5.0
"	"	Л. Щ.	2.0
"	"	Ф. Л.	5.0
"	"	М. В.	5.0
"	"	С. П.	4.0
"	"	Н. К.	2.0
"	"	И. Т.	1.0
"	"	Е. Ш.	3.0
"	"	К. Ш.	10.0
"	"	С. Р.	5.0
"	"	П. К.	8.0
"	"	А. С.	5.0
"	"	Г. П.	5.0
"	"	А. Г.	5.0
"	"	С. В.	6.0
"	"	Кар—я	100.0
"	"	Гро—да	4.8
"	"	А. К. итальян.	5.0
"	"	Кон. Тружеников	25.1
"	"	Сер—юз	1.7
"	"	И. К. Нь—ка	3.0
"	"	Кл—да	2.0
"	"	Си—л Ваш.	72.0
"	"	Гат—да	1.0
"	"	П. О. Г. Н. Г—на	12.0
"	"	Тов. Н. Г—на	13.0
"	"	И. Авсеевич.	5.0
"	"	А. К. № 3	5.3
"	"	Ф. С—ока	10.0
"	"	Сов. Д. Бельцевич	45.0
"	"	" Бал—ре чек кн.	43.7
"	"	" Вал—ре на митинге	14.3
"	"	" М. К. Бал—ре	5.0
"	"	" Я. Х. Бал ре	10.0
"	"	" Лиз—ет	20.0
"	"	" Тов. А. М.—ич	5.0

"	" Н. Кла—ов	3.45
"	" А. А. К.	18.25
"	" Чи—го	3.00
"	" Дет—ит чек книг.	76.15
"	" Сан—Фра—ко С. Р. Р.	25.00

Итого **1177.52**

РАСХОД

По изданию "Волны"

"	" Почт. расходы	1.00
"	" Пересылка "В"	1.14
"	" На издание "В" № 11	50.00
"	" Хранение писем	2.00
"	" Бумага и веревки	1.25
"	" Проезд тов. Б. Н. И.	8.00
"	" Бумага для пер. статей	2.10
"	" Пересылка "В"	50
"	" Проезд тов. Л.	15.00
"	" Печ. и бум. № 11 "В"	336.00
"	" Проезд тов. Б. Н. И.	8.00
"	" Энциклоп. словарь	1.50
"	" Доставка "Фри Сус."	3.00
"	" Веревка для упак.	3.00
"	" Пересылка "В"	1.00
"	" Корректур	9.00
"	" Возвр. взаимооб.	155.00
"	" Почт. расходы	3.00
"	" Жалов. ред.	30.00
"	" Эксп. по дост. "В" №11	13.00
"	" Проезд дел. в Бал - ре	8.25
"	" Рассылка "В" № 11	18.50
"	" Чемод. для пер. "В"	5.00
"	" Жал. ред.	30.00
"	" Задаток на изд. "В"	100.00
"	" Наборщик	20.00
"	" Пересылка "В" №11	50
"	" Проезд тов. Б. Н. И.	10.00
"	" Жалов. ред.	60.00
"	" Наборщик №12 "В"	55.00
"	" Пересылка №11 "В" в Д.	4.70
"	" Бум для пер. статей	5.20
"	" Бум. и печ. № 12 "В"	250.00
"	" Пересылка № 11 "В"	3.19
"	" Возвр. взаимооб.	250.00

"	" Жалованье ред.	60.00
"	" 3 ящ. и 4 чем. для пер.	18.80
"	" Веревка	3.00
"	" Хранение "В" № 12	5.00
"	" Перес. №12-13 "В"	24.25
"	" Наборщ. для "В" №14	78.50
"	" Бум. и печ. № 14 "В"	325.00
"	" Проезд Б. Н. И.	8.00
"	" Почт. расходы	1.00
"	" Пересылка литер.	5.72
"	" Пересылка "В"	2.60
"	" Чековая книга	45
"	" Перес "В" № 12	3.00
"	" Возврат. из Ч. № 12 "В"	2.70
"	" Жал. ред.	120.00
"	" Возвр. "В" из Д.	4.80
"	" Упаковка "В" № 14	12.00
"	" Проезд тов. Б. Н. И.	10.00
"	" Бумага и веревка	3.50
"	" Экспрес "Ф. С."	2.00
"	" Перес. № 14 "В"	25.45
"	" Почт. расх.	3.00
"	" Переделка ката	28.38
"	" Кар фер"	1.00
"	" Перес. "В" № 14 в	1.38
"	" Возв. "В" № 14	4.46
"	" Посылка туда же № 14	3.50
"	" Пересылка "В" № 14	2.16
"	" Хранение	5.00
"	" Портфель	2.25
"	" Дано взаим. ам. А. К.	100.00
"	" Наборщик № 15 "В"	75.00
"	" Бум. и печ № 15 "В"	477.50
"	" Жалов. ред.	60.00
"	" Телеграммы	5.17
"	" Поиск места для с'езда	5.00
"	" Хранение писем	2.00
"	" Пересылка "В" № 12-13	3.70
"	" Почт. расх.	4.10
"	" Пересылка "Ф.С."	4.10
"	" Корректур	7.00

Итого	2974.30
Общий приход	3097.03
Общий расход:	2974.30
Остается в кассе	122.73

Проверено ревизионной комиссией от
3-го Съезда Ф. А. К. гр.
П. Г., П. Д., А. Я.

Отчет по литературе с 1-го декабря
1920-го года по 19 марта 1921-го года

Приход:

От города Роч—ра	71.23
" " Гат—да	54.00
" " Бал—ра	331.00
" " От лит. ликв. ком.	15.00
" " Клида	100.00
" " "А. И." за литературу	80.00
" " Взаим. Ксенефонт Ал.	100.00
" " Взаим. Москва Альц.	300.00
" " Юнгс—н пож. Альц.	800.00
" " Кли—да пож. Альц.	125.00
" " В. Ко. А. К.	113.83

Итого: 2090.06

Расход:

" " Перес. кн. "Реч. Бунт.	30.50
" " Упаковка лит. и замок	5.30
" " Выдано ком. по ликв. лит.	100.00
" " Эксп. за дост. лит.	2.40
" " Выдано Ф. на поль. бр.	106.00
" " Возвр. за реч. Бунт.	100.00
" " Бумага Альцб.	300.00
" " Набор Альцб.	250.00
" " Перевоз в тип. наб. Альц.	7.50
" " Возвращ. взаим. с. р. р.	50.00
" " На изд. Умир. общ.	300.00
" " Возв. вз. Ф. р. Реч. Б.	200.00
" " Возв. взаимн. Эльцб.	35.00
" " Проезд в Н. И. по Эльцб.	10.00
" " Перес. соч. Бак. в Роч.	2.03
" " Перес. укр. бр. в Ч-го и в С-ко	4.99
Итого	1496.22

Приход от 19 м. по 1-е апреля, по...
выручке "В" и доброволь. пожертв..
От Питс-рг района 31.60
" " Роч ра 19.95

" " Огайо ст.	61.61
" " Огайо ст. за с. об.	12.00
" " Тов Н. М.	10.00
" " Тов Н. С.	5.00
" " Роч-р поди.	23.25
" " Группа Слуцк.	19.25
" " Брод рус. клуб.	65.68
" " Стен-да	8.00
" " Н-вен Конн.	10.00
" " Н. И. от веч.	25.64

Итого 291.98

Расход от 19 м. по 1-е апр. 1921 г.	
" " Ред—тор	60.00
" " Делег. на 3-й С. Р. К.	29.70
" " По пост. 3-го Съезда	21.00
" " 3 чемод. для отп. "В"	15.00
" " 3 чемод. для отп. "В"	3.75
" " Вер. для упак.	3.00
" " Жив. почт. в Н. И.	10.00
" " Разс. "В" № 15	32.25
" " За прест. "С. О" на англ.	8.32

Итого 183.02

Приход 291.98

Расход 183.02

Остается 108.96

Литературный прих. от 19 м. по 1-е апр

От Роч—ра	38.41
" " Огайо ст.	400.00

Итого 438.41

Расход от 19 м. по 1-е апреля

" " Возв. вз. Стенефонс	100.00
" " Возвр. взаим. Акрон.	300.00
" " Выд. взаим. ам. гр.	100.00
" " Перес. бр. "Лад"	7.35
" " Стор. изд. лит. ком. на 3 С.	5.00
" " Выд. Ф. р. на бр. "Лад"	47.50
" " Не-к за дель. на 3 С.	9.70

Итого 569.55